И. Гофман

Гофман Ирвинг (Goffman Erving, 1922–1982) — американский социолог и социальный психолог, профессор Чикагского университета, автор монографий "Presentation of self in everyday life", 1956 (русский перевод "Представление себя другим в повседневной жизни" / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М .: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000), "Asylums", 1961, "Encounters", 1961, "Interaction rituals", 1967, "Behavior in public places", 1963, "Forms of talk", 1981
и
др
.

Публикуемый перевод главы 2 монографии "Анализ фреймов" выполнен О.А. Оберемко и Е.Г. Авджян.

Редакция выражает признательность издательству Фонда "Общественное мнение" за любезное разрешение опубликовать раздел готовящегося к печати русского перевода монографии.

Первичные системы фреймов

Когда в нашем западном обществе человек распознает какое-либо конкретное событие, во всех случаях он вкладывает в свое восприятие одну или несколько систем фреймов или схем интерпретации, которые можно назвать первичными. В самом деле, фреймы присутствуют в любом восприятии. Я говорю именно о первичных фреймах, потому что применение человеком схемы или перспективы не зависит ни от какой другой базовой

или "настоящей" интерпретации и не восходит к ним; несомненно, первичная система фреймов являет собой как раз то, что обнаруживает нечто осмысленное в тех особенностях сцены, которые в ином случае не имели бы никакого смысла.

Первичные схемы интерпретаций различаются по степени организации. Некоторые из них представляют собой хорошо разработанную систему учреждений, постулатов и правил, другие — их большинство — не имеют, на первый взгляд, отчетливо выраженной формы и задают лишь самое общее понимание, определенный подход, перспективу. Однако независимо от степени своей структурной оформленности первичная система фреймов позволяет локализовать, воспринимать, определять практически бесконечное количество единичных событий и присваивать им наименования. Похоже, человек не осознает внутреннюю структуру фреймов и, если его спросить, вряд ли сможет описать ее с большей или меньшей полнотой, что не мешает ему пользоваться фреймами без каких либо ограничений.

В повседневной жизни нашего общества, если не проводится вполне последовательно, то достаточно отчетливо ощущается различие между двумя обширными классами первичных систем фреймов — назовем их природными и социальными. Природные системы фреймов определяют события как ненаправленные, бесцельные, неодушевленные, неуправляемые — "чисто физические". Принято считать, что неуправляемые события полностью, от начала до конца, происходят благодаря "естественным" факторам, что никакое волеизъявление, каузально или интенционально, не вмешивается в их естественный ход, и нет никого, кто бы постоянно направлял их к цели. Невозможно представить себе успех или неудачу применительно к таким событиям; здесь нет места ни негативным, ни позитивным санкциям. Здесь царят детерминизм и предопределенность. Существует некоторое понимание относительно того, что события, воспринимаемые в рамках одной подобной схемы, могут быть редуцированы к другим событиям, воспринимаемым в более "фундаментальной" системе фреймов, и некоторые общепринятые понятия, например сохранения энергии или единичного, разделяются всеми. Элегантные версии природных систем фреймов можно найти, естественно, в физических и биологических науках[1]. В качестве самого простого примера можно взять сводку о погоде.

Социальные фреймы, напротив, обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность — живая деятельность, воплощением которой является человек. В такой деятельной силе нет неумолимости природного закона, с ней можно договориться, ее можно задобрить, запугать, ей можно противостоять. То, что она делает, можно назвать "целенаправленным деланием". Само делание подчиняет делателя определенным "стандартам", социальной оценке действия, опирающимся на честность, эффективность, бережливость, осторожность,

элегантность, тактичность, вкус и т. п. Поддерживается постоянное управление последствиями деятельности, то есть непрерывный корректирующий контроль, особенно явственный в тех случаях, когда действие неожиданно блокируется или сталкивается с искажающими воздействиями и когда требуются немалые усилия, чтобы компенсировать их. Учитываются мотивы и намерения, что помогает установить, какой из множества социальных фреймов применим для понимания событий. Примером "целенаправленного делания" может служить опять же сводка погоды. Здесь мы имеем дело с делами, а не просто с событиями. (Внутри социального мира мы придерживаемся очевидных фундаментальных различений, например, целеполагания человека и целесообразности в поведении животных, но об этом мы будем говорить ниже.) Мы используем один и тот же термин "причинность" по отношению и к слепым силам природы, и к последствиям преднамеренных действий человека, рассматривая первые как бесконечную цепь причин и следствий, а вторые как то, что так или иначе начинается с мысленного решения[2].

В нашем обществе принято считать, что мыслящее существо может приспособиться к природным процессам и извлекать пользу из его детерминированности — для этого надо лишь отдать дань замыслу природы. Более того, мы догадываемся, что, быть может, за исключением чистой фантазии и выдумки, всякая попытка действовать будет непременно сталкиваться с природными ограничениями, и что для достижения цели необходимо использовать, а не игнорировать это обстоятельство. Даже играя в шахматы вслепую, игроки вынуждены сообщать друг другу ходы, и этот обмен информацией требует учета физически адекватного целенаправленного использования голоса или руки для записи ходов. Отсюда следует, что хотя природные события происходят без вмешательства мысленных действий, их нельзя совершить, не вторгнувшись в природный порядок. Поэтому любой сегмент социально направленного действия можно в определенной степени анализировать и на основе природной схемы.

Целенаправленные действия можно понимать двояко. Во-первых, и это относится в той или иной степени ко всем действиям, речь идет о явных манипуляциях предметами естественного мира в соответствии с конкретными возможностями и ограничениями; во-вторых, субъект действия может включаться в особые, специфические и многообразные миры. Поэтому игра в шахматы содержит два принципиально различающихся основания: одно полностью принадлежит физическому миру, где происходит пространственное перемещение материальных фигурок, другое относится непосредственно к социальному миру противоборствующих в игре сторон, где ход можно сделать и голосом, и жестом, и по почте, и передвижением фигуры. В поведении за шахматной доской легко различить передвижение фигур и ходы. Легко отличить неудачный ход, сделанный из-за неверной оценки ситуации на доске, от хода, сделанного невпопад, то есть не соответствующего конкретным социальным стандартам выполнения физических действий. Заметьте, однако, что обычно игроки не фиксируют свое внимание на процессе перемещения фигур в отличие от человека, который,

скажем, только учится пользоваться протезом и вынужден сознательно контролировать физические движения. По-настоящему проблемны и важны лишь решения о выборе нужного хода, а передвинуть фигуру, когда решение уже принято, — не проблема. С другой стороны, существуют такие целенаправленные действия, например, установка раковины, или подметание улиц, при которых для манипулирования объектами физического мира требуются непрерывные сознательные усилия, само действие, принимающее вид "практической процедуры", конкретной задачи, "чисто утилитарного" действия, — это действие, цель которого нелегко отделить от физических средств, используемых при его выполнении.

Системы социальных фреймов включают в себя правила, но эти правила различны. Например, движения шахматиста регулируются правилами игры, большинство которых действует на протяжении всей партии, с другой стороны, физические манипуляции шахматиста регулируются другой системой фреймов, отвечающей за движения тела, и эта система, если конечно здесь можно говорить об *одной* системе фреймов, может проявлять себя в ходе игры только в той или иной степени. Поэтому, несмотря на то, что правила игры в шахматы и правила дорожного движения поддаются ясному и краткому изложению, между ними имеется существенное различие. Игре в шахматы присуще понимание игроками основной цели, тогда как правила дорожного движения не предписывают, куда нам ехать и почему нам следует хотеть ехать именно туда, а только устанавливают ограничения, которые мы должны соблюдать, двигаясь к цели.

Следовательно, мы воспринимаем события в терминах первичных фреймов, и тип используемого фрейма задает способ описания события. Восход солнца — естественное событие, когда мы задергиваем штору, чтобы не видеть восхода, осуществляется целенаправленное действие. Если следователь интересуется *причиной* смерти, он ожидает ответа, сформулированного в терминах физиологии, когда он спрашивает, *как это произошло*
, он ждет драматического социального описания, возможно, включающего в себя описание некоторой преднамеренности происшедшего
[3]
.

Таким образом, категория базовой системы фреймов имеет первостепенное значение, и я бы хотел остановиться на ней подробнее. Весьма досадное обстоятельство заключается в том, что в любой момент своей деятельности индивид применяет сразу несколько систем фреймов. ("Мы подождали, пока кончится дождь, а затем вновь продолжили игру".)

Конечно, иногда какая-то определенная система фреймов оказывается в высшей степени релевантной для описания ситуации и обеспечивает предварительный ответ на вопрос "Что здесь происходит?"

Ответ следующий: событие либо действие, описанное в некоторой базовой системе фреймов. И только потом можно заняться детальным анализом того, что подразумевается под "мы", "это", "тут", и как достигается подразумеваемый консенсус.

Теперь необходимо сказать следующее. Когда с помощью осей *x* и *y* мы устанавливаем местоположение точки, или представляем шахматную доску как матрицу, определяющую схему хода, понятие базовой системы фреймов приобретает достаточно отчетливую форму, хотя и здесь существует проблема зависимости частного фрейма от нашего общего понимания фреймов данного типа. Но когда мы наблюдаем события повседневной жизни, скажем, приветствие при мимолетной встрече или жест покупателя, означающий вопрос о цене товара, определение базовой системы фреймов, как уже отмечалось выше, гораздо более сомнительной.

Именно здесь представители того направления, которому следую и я, терпят полный крах. Говорить о "повседневности", или, как А. Шютц, о "мире открытых практических реалий" все равно, что стрелять вслепую. Подразумевается, что наблюдение содержит либо великое множество фреймов, либо вообще не содержит ни одного. Чтобы продвинуться в изучении этой проблемы, следует принять некоторый домысел, рабочее допущение, что акты повседневной жизни открыты для понимания благодаря наполняющей их смыслом базовой системе фреймов (или нескольким системам) и что проникновение в эту систему не является тривиальной и, я надеюсь, невыполнимой задачей.

До сих пор я ограничивался описанием тех первичных систем фреймов, которые используются индивидом (в здравом уме и твердой памяти) при определении смысла происходящего, разумеется, с учетом его интересов. Конечно, индивид может занимать "ложную" позицию в своих интерпретациях, то есть заблуждаться, не знать истинного положения дел, что-либо недомысливать. "Ложные" интерпретации постоянно будут в центре нашего внимания.

Здесь я хотел бы указать на общепринятое мнение, что в нашем обществе люди часто добиваются успеха, следуя определенным системам фреймов. Элементы и процессы,

которые человек считает значимыми, распознавая поведение, часто *действительно* тождественны тем, которые манифестируются в самом поведении — почему бы и нет, коль скоро сама общественная жизнь часто организована таким образом, чтобы люди могли ее понимать и действовать в ней.

Таким образом, мы принимает соответствие или изоморфизм восприятия структуре воспринимаемого несмотря на то, что существует множество принципов организации реальности, которые могли бы отражаться, но не отражаются в восприятии. Поскольку в нашем обществе многие находят это утверждение полезным, к ним присоединяюсь и я[4].

II

Взятые вместе, первичные системы фреймов определенной социальной группы конституируют центральный элемент ее культуры, особенно в той мере, в какой порождаются образцы человеческого понимания, сопряженные с основными схемами восприятия, соотношениями этих типов и всеми возможными силами и агентами, которые только допускаются этими интерпретативными формами (designs). Представим себе фрейм фреймов социальной группы — систему верований, "космологии" — это та область исследований, которую узкие специалисты по проблемам современного общества предпочитают оставить другим. Интересно, что на такой огромной территории, как США, можно лишь весьма условно говорить о сходстве когнитивных ресурсов. Люди, придерживающиеся во многом одних и тех же убеждений, могут расходиться, например, в мнении о существовании ясновидения, вмешательстве сверхъестественных сил и т.п.[5] (По всей вероятности, вера в бога и святость его представителей в этом мире являет собой широчайшую базу для расхождения мнений в нашем обществе по поводу сверхъестественных сил. Социологов от обсуждения этой темы обычно удерживают соображения такта.)

III

При всех своих недостатках концепция первичной системы фреймов позволяет обозначить пять принципиальных проблем и оценить их роль в нашем понимании мироустройства.

1. Во-первых, "комплекс необычного". Когда происходит либо создается нечто такое, что заставляет сомневаться в самом взгляде на событие, кажется, что для понимания случившегося необходимо допустить существование неведомых природных сил или принципиально новых возможностей влиять на ход событий, — вероятно, в последнем случае предполагается участие и неведомых агентов. Сюда относятся случаи воображаемой высадки пришельцев из космоса и общения с ними, чудесные исцеления, явления хтонических чудовищ, левитация, лошади со склонностью к математике, предсказания судьбы, контакты с умершими и т.п. Подразумевается, что эти чудесные события сопряжены со сверхъестественными природными силами и способностями. Сюда относятся астрологические воздействия, ясновидение, экстрасенсорное восприятие и т. п. Книги типа "хотите верьте, хотите нет" наполнены детальными описаниями "еще не разгаданных" событий. Иногда и сами ученые создают такого рода новости, как говорится, "привлекая серьезное внимание" к экстрасенсам, НЛО, влиянию фаз Луны[6] и т. п. Многие могут вспомнить хотя бы одно событие, которому сами они так и не нашли разумного объяснения. Хотя, как правило, когда происходит необычное событие, люди ожидают, что скоро ему найдут "простое", "естественное" объяснение, которое раскроет тайну и вернет происшедшее в круг обычных явлений, к логике, которой они обычно руководствуются, объясняя связи между природными событиями и целенаправленными действиями. Конечно, люди сопротивляются, когда фреймы фреймов начинают изменяться. Событие, которое не может быть истолковано в рамках традиционной космологии, вызывает растерянность, по крайней мере озабоченность публики. Можно привести немало примеров из массовой печати.

Аламаско, штат Колорадо. Вскрытие лошади, убитой, как считают ее владельцы, обитателями летающей тарелки, показало, что ее брюшная полость, черепная коробка, а также столб позвоночника пусты.

Патологоанатом из Денвера, пожелавший остаться неизвестным, заявил, что отсутствие органов в брюшной полости не поддается объяснению.

При вскрытии, которое происходило в воскресенье вечером на ранчо, где был обнаружен полый труп лошади, присутствовали четыре члена Денверского отделения Национального исследовательского комитета аэрокосмических явлений. …

Вскрыв черепную полость лошади, паталогоанатом обнаружил, что она пуста. "Определенно, в черепе должно было быть немало жидкости", — сказал патологоанатом…

Владельцы лошади выразили уверенность в том, что она была убита пришельцами из летающей тарелки. Несколько жителей городка Сан-Луис Уолли, где, по сообщениями прессы, за несколько дней до происшедшего не менее восьми раз видели по вечерам неопознанные летающие объекты, согласились с этой версией...[7]

Вполне ожидаемым оказывается следующее заключение.

Москва (Ассошиэйтед Пресс). По сообщениям советских газет, изобличена в мошенничестве русская домохозяйка, которая семь лет назад стала виновником мировой сенсации, утверждая, что "видит пальцами".

Пять ученых, подвергших проверке Розу Кулешову, сделали вывод, что она подглядывала сквозь неплотную повязку.

Мадам Кулешова, знаменитость в своем родном городе, получила мировую известность в 1963 г., когда приписываемый ей дар видеть пальцами широко освещали советские газеты.

В отчете комиссии говорится, что подтверждение способностей мадам Кулешовой в 1963 г. было ошибкой. Тогда ее подвергали испытаниям советские ученые: они разными способами закрывали ей глаза и направляли на ее руки лучи разного цвета.

Как установила комиссия, излучатель света издавал "характерное щелкание и жужжание", что помогало испытуемой заранее определить, какой цвет будет следующим[8].

Позволю себе повторить сказанное выше: в нашем обществе широко распространено убеждение в том, что все без исключения события можно поместить в некоторую конвенциональную систему значений и управлять ими. Мы допускаем необъясненное, но необъяснимое принять не можем.

2. Космологические представления, самые всеобъемлющие из наших представлений, лежат в основе самых банального развлечения — всякого рода трюков, которые поддерживают доминирование и контроль волевого действия над тем, что на первый взгляд кажется почти невероятным. Каждый знает, что такое жонглирование, хождение по канату, джигитовка, серфинг, фри-стайл, метание ножей, прыжки в воду с огромной высоты, каскадерское вождение автомобиля, а теперь и космонавтика — полеты космонавтов самые дерзкие из человеческих деяний, хотя они и сопряжены с верой в американскую технологию. Сюда можно также отнести и такие экзотические случаи, когда человек обучается управлять своими физиологическими процессами, например, регулировать кровяное давление, или подавлять болевые реакции. Важную роль в демонстрации трюков играют "действия животных". Дрессированные тюлени, прирученные морские львы, танцующие слоны и прыгающие сквозь обруч хищники — все они являют собой пример выполнения обычных целенаправленных действий необычными агентами и тем самым привлекают внимание к космологическому разделению, которое проводится в нашем обществе между человеческой деятельностью и животным поведением. Аналогичное значение имеют показы дрессированных животных, выполняющих утилитарные задачи, которые принято считать исключительной прерогативой человека. Например, водители цепенеют при виде сидящего за рулем открытого спортивного автомобиля шимпанзе, в то время как дрессировщик притворяется спящим на заднем сидении. Один австралийский фермер использовал целую стаю обезьян для уборки урожая[9]. Можно добавить, что тот же самый интерес лежит в основе научных исследований целенаправленного поведения, предмет которых находится как раз на границе, разделяющей животных и человека
[10]
.

Стоит заметить, что и комплекс необычного (аномалии человеческого тела), и трюки тесно связаны с цирковым представлением, как будто социальная функция цирков (а позднее и морских музеев) действительно заключается в прояснении для публики структурной организации и границ действия первичных систем фреймов[11]. Трюки часто используются в ночных клубах (популярность которых в настоящее время упала) наряду с демонстрацией способностей дрессированных собак, выступлениями акробатических трупп, жонглеров, магов и людей, имеющих необычные умственные дарования. Что бы ни демонстрировали зрителям, ясно, что интерес широкой публики к темам, связанным с космологическими прозрениями, присущ всем людям, а не только ученым экспериментаторам и аналитикам.

3. Теперь рассмотрим события, называемые "промахами" (muffings), то есть случаи, когда тело, или другой объект, находящееся, как предполагается, под постоянным контролем, неожиданно выходит из-под него, отклоняется от траектории, становится

неуправляемым и полностью подчиняется природным силам — именно подчиняется, а не просто обусловливается ими, в результате нарушается упорядоченное течение жизни. Сюда относятся разного рода "ляпы", "обломы" и — когда общая логика разговора все же в той или иной степени сохраняется, — "вздор". (Предельный случай такого рода — случай, в котором никто не виноват: землетрясение полностью снимает вину с человека, расплескавшего чашку чая.) Тело сохраняет здесь свою способность быть силой природной, каузальной, а не социальной и целенаправленной. Приведем пример.

Вчера пять человек получили травмы, два человека — серьезные, в результате выезда потерявшей управление автомашины на заполненный пешеходами тротуаре по улице Хейт-Эшбери. Водитель автомобиля, 23-летний Эд Гесс, проживающий на Коул Стрит, 615, был доставлен в полицию в состоянии, близком к истерике, где был составлен протокол об изъятии незарегистрированного оружия и порошка, похожего на сильный наркотик. "Я не мог затормозить, — кричал он. — Кругом были люди — четыре, шесть, восемь человек — но, видит бог, я не виноват".

По показаниям свидетелей машина двигалась в западном направлении по Хэйт стрит; миновав перекресток Хэйт-стрит и Масонского авеню, переехала бордюр, врезалась в витрину супермаркета "Нью Лайт" и метров пятнадцать прошла юзом по тротуару.

"Я не хотел сбивать их, — всхлипывал Гесс, — но они были всюду вокруг меня — слева, справа, кругом"[12].

Заметим, что трюк имеет место там, где мы знаем, что можем утратить контроль над событиями и даже немного способствуем этому, а промахи и неурядицы происходят тогда, когда все вроде бы идет гладко и не надо стараться сохранить контроль, но, тем не менее, контроль теряется[13].

Соответствующий локус контроля, выражающийся в управлении действием, предусматривает и возможные неудачи, а также содержит предположение о различии типов действия. В некоторых действиях мы видим только работу органов тела, например, когда протираем глаз, зажигаем спичку, шнуруем ботинки, несем поднос. Другие действия как бы продолжают действия наших органов, например, вождение автомобиля, разравнивание лужайки граблями или использование отвертки. Наконец, имеются действия, которые начинаются с телесных действий или с их "продолжений" и завершаются вполне ощутимым результатом, выходящим за пределы первоначального

контроля, например, когда мяч, жвачка, или ракета завершают свой полет там, куда их нацелили. Предполагается, что в процессе ранней социализации вырабатываются навыки первого рода, вторичная социализация — особенно профессиональная подготовка — обеспечивает формирование второго и третьего типов действия. Заметим, что одним из следствий этой обучающей программы является трансформация мира в такое место, которым можно непосредственно управлять и который поддается пониманию в терминах системы социальных фреймов. В самом деле, взрослые горожане могут на протяжении длительного времени ни разу не потерять контроля над своим телом, ни разу не столкнуться с непредвиденным изменением среды, природный мир полностью подчинен общественному и частному контролю. Горожане начинают заниматься различными видами спорта, катанием на коньках, лыжах, серфингом, верховой ездой, которые позволяют детям и взрослым вновь восстановить контроль над телом посредством достаточно трудных продолжений телесных действий. Повторение ранних достижений во взрослом возрасте, сопровождаемое постоянными промахами, уже в особом, игровом, контексте, способствует преодолению страха, присущего праздным классам. Вполне прозрачен замысел комедий Лаурела и Харди, он заключается как раз в том, чтобы показать массовую никчемность и беспомощность, где даже головокружительные аттракционы в парках позволяют посетителям терять контроль над собой при полностью контролируемой ситуации.

4. Рассмотрим такой фактор организации опыта как "случайность" (fortuitousness), которая в данном случае означает, что событие начинает рассматриваться как возникшее непреднамеренно. Человек, тщательно планирующий свои действия, сталкивается с естественным ходом событий, которого он не мог предвидеть, и получает соответствующие результаты. Два человека или более двух человек, не зависимые и не ориентирующиеся друг на друга, полностью управляют своими действиями в одиночку, однако их совместные действия приводят к непредвиденному событию — они получают такой результат, несмотря на то, что каждый из них полностью контролирует свой личный вклад в общее дело. Мы говорим здесь о случайностях, совпадениях, везении и невезении, несчастных случаях и т. п. Поскольку в данном случае ответственность ни на кого не возлагается, каждый руководствуется своей естественной системой фреймов, в то время как под воздействием естественных сил находятся социально управляемые действия. Заметим, что случайные последствия могут восприниматься как желательные и как нежелательные. Приведу пример нежелательных последствий:

Амман, Иордания. — Трагически закончилась вчера для одного из палестинских бойцов церемония салюта. Он был убит шальной пулей, когда его подразделение произвело залп из автоматов во время похорон погибших в результате израильской бомбардировки в воскресенье[14].

Понятие случайной связи довольно неопределенно, во всяком случае те, кто его использует в целях расчета, обычно сомневаются в своих решениях или по крайней мере допускают такие сомнения со стороны других. Эта неопределенность становится особенно очевидной, когда случайное совпадение обстоятельств, связанных с одним и тем же предметом, человеком или категорией людей повторяется два или три раза[15]. По этой же причине трудно не наделить смыслом случай, когда везение или неудача все время выпадают на долю той пресловутой категории людей, которая состоит из одного члена.

Понятия "промах" и "случайность" имеют важное космологическое значение. Если мы верим, что весь мир целиком можно воспринимать или как естественные события или как целенаправленные действия и что всякое событие можно легко отнести к одной либо другой категории, становится ясно, что надо искать средства преодоления неопределенностей. Выработанные культурой понятия "промах" и "случайность" нужны для того, чтобы осмыслить события, которые в противном случае представляли бы серьезное затруднение для анализа.

5. В заключение обратим наше внимание на сегрегацию, выражаемую посредством "неловкости" и шуток. Как будет показано далее, используя официально принятые схемы интерпретации, люди способны полностью распознавать то, что они видят. Но эта способность имеет свои пределы. Некоторые эффекты распознавания переносятся из одной перспективы, обеспечивающей свободное восприятие событий, в перспективу совершенно иную, применяемую в официальном порядке. Пожалуй, лучше всего описано медленное и трудное становление права медиков на обследование обнаженного тела в рамках естественной, а не социальной перспективы. Так, в Британии роды стали более безопасными только в конце XVIII века благодаря тщательному акушерскому осмотру в незатемненной смотровой; а если роды принимал врач-мужчина, роженицу уже было не обязательно накрывать одеялом[16]. Гинекологический осмотр даже сегодня вызывает определенную озабоченность: предпринимаются специальные усилия, чтобы оснастить процедуру соответствующей лексикой и действиями, позволяющими контролировать сексуальное прочтение ситуации [17]. С аналогичной трудностью сталкивались те, кому доводилось делать искусственное дыхание; контакт рот в рот нелегко дифференцировать от смысла, который принято вкладывать в это действие [18]. Точно так же мы позволяем ортопедам и продавцам обувных магазинов прикасаться к нашим ногам, но для этого мы стараемся исключить все привнесенные сюда смысловые контаминации. Представим себе сенсея, инструктора карате, который инструментально, как врач, ощупывает узловые точки на теле принявших определенные позиции учеников, чтобы определить, правильно ли напряжены мышцы. Границы подобного физикалистского фрейма обнаруживаются, когда в секции появляются девушки: "Когда сенсей обходит группу, чтобы проверить "стойку", он трогает зад и мышцы бедер. К нам он не прикасается. После трех месяцев занятий он наконец-то потрогал попки только у

пятнадцатилетних, а женщин постарше избегает как заразы. Ясно, что 25-летний сенсей не может не смотреть на нас как на женщин, которых можно трогать с одной и только с одной целью"
19

.

Очевидно, что человеческое тело и прикосновения к нему играют заметную роль в поддержании фреймов, равно как различные отправления тела и нечаянные движения создают напряженные ситуации пограничного характера[20]. Кажется, что тело все время выступает в качестве ресурса, который необходимо использовать в рамках только одной базовой системы фреймов. Кажется неизбежным, что мы всегда сумеем отличить, скажем, взмах рукой таксисту от дружеского приветствия, а эти движения отличим от отгона мух и разгона кровообращения. Кажется, что способность к различению связана с тем, что каждое событие непременно является элементом целостного потока событий, и каждый поток составной частью входит в особую систему фреймов. Так происходит в западных обществах, так, наверно, происходит и во всех остальных.
21

IV

Здесь нужно подчеркнуть одно общее положение. Первичные схемы интерпретации, естественная и социальная, разделяемые нами как членами общества, оказывают влияние не только на непосредственных участников деятельности; сторонние наблюдатели так же глубоко вовлечены в эти схемы. По всей вероятности, мы не сможем бросить даже мимолетный взгляд на происходящее, чтобы не применить какую-нибудь интерпретационную схему, с помощью которой строятся предположения о предшествующих событиях и ожидания того, что произойдет сейчас.

Готовность *только взглянуть* на что-либо и тут же перенести взор на другие предметы обусловлена вовсе не недостатком внимания; наоборот, сам беглый взгляд возможен лишь благодаря мгновенному подтверждению действенности упреждающей перспективы. То обстоятельство, что мотивационный контекст события значим для других людей, является обоснованием мотивационного контекста события и для нас. Если так, то даже поверхностное впечатление более глубоко проникает в смысл происходящего, чем кажется на первый взгляд.

Бергсон приходит к аналогичному выводу в своем изящном эссе "Смех":

Будет комическим всякий распорядок действий и событий, который дает нам внедренные друг в друга иллюзии жизни и ясное впечатление о механическом устройстве[22]. Косность, автоматизм, рассеянность, неприспособленность к обществу — все это тесно между собой связано и из всего этого складывается комический характер [23]. Мы смеемся каждый раз, когда личность производит на нас впечатление вещи [24].

Замечая, что люди часто смеются над теми, кто не умеет поддержать убедительное впечатление о целенаправленности своих действий, Бергсон не может развить явно напрашивающуюся мысль, что если люди готовы смеяться над неловким поведением, то в любом случае они должны с полной осведомленностью оценивать соответствие поведения критериям нормальности и не находить в данном случае причин для смеха. Поэтому наблюдатели активно проецируют свои интерпретативные схемы на окружающий мир, и, если мы их не замечаем, то только потому, что события обычно соответствуют этим проекциям, растворяя наши домыслы в ровном потоке действий. Так, на безупречно одетую женщину, которая тщательно рассматривает раму зеркала, выставленного для продажи на аукционе, а затем немного отходит назад, чтобы убедиться в качестве зеркального отражения, присутствующие могут смотреть как на человека, который на самом деле не смотрится в зеркало. Но если она, глядя в зеркало, поправляет шляпку, то *тогда* присутствующие могут догадаться, что от посетителей аукциона ожидается только определенный вид рассматривания зеркала и висящий на стене предмет не столько зеркало, сколько выставленное-на-продажу-зеркало; эта ситуация превращается в противоположную, если женщина начнет оценивающе рассматривать зеркало в примерочной комнате вместо того, чтобы смотреться в это зеркало [25].

---

[1] Эдвард Шилз в исключительно интересной статье о социально-политических аспектах морального порядка "Харизма, порядок и статус" (Shils E. Charisma, Order and Status // American Sociological Review. Vol. XXX (1965). P. 199-213) пишет: "Все фундаментальные открытия современной науки в космологии, астрономии, медицине, неврологии, геологии, генетике имеют важное значение в качестве фундаментального космического порядка. Научный порядок, подобно порядку, открываемому теологией, подчинен своим императивам. Иметь "регулярные отношения" с научной истиной, подходить ко всему "научно", поступать "как подобает ученому" - все это в той же мере следствия

развертывающихся научным исследованием императивов порядка, в какой богобоязненность следствие теологического императива религиозного порядка" (p. 204).

[2] В утонченных философских определениях невольно отражается смутность наших представлений об этом вопросе. См ., например, Arthur C. Danto, "What we can do" // Journal of Philosophy. Vol. LX (1963). P. 435-445 и его же статью "Basic Actions" // American Philosophical Quarterly. Vol. II (1965). P . 141-148; Donald Davidson "Agency" // Agent, Action and Reason / Ed. by Robert Binkley, et al. Toronto: University of Toronto Press, 1971. P . 3-25.

[3] Маршалл Хоутс (Houts M. Where death delights. New York: Coward-McCann, 1967. P. 135-136.). Гай Свенсон (Swanson G. On explanations of social interaction // Sociometry. Vol. XXVIII. 1965) приводит аналогичные аргументы и предупреждает, что само по себе это различение ничего нам не дает: "Мы понимаем или объясняем какое-то эмпирическое событие, показывая, что оно является примером, аспектом, фазой, следствием или причиной других событий. Концептуализация есть символическая формулировка таких отношений. Объяснение события предполагает несколько его концептуализаций. Например, движение руки может быть концептуализировано в физических терминах как высвобождение энергии, в биологических терминах – как нейромускулярный процесс, в психологических терминах – как симптом тревожности, а в социальных терминах – как жест приветствия. Особенно опасно для нас то, что такого рода истолкование, множественная концептуализация события, подменяет определение шагов, посредством которых события одного порядка – поведенческое взаимодействие – превращаются в события другого порядка – социальное взаимодействие. То обстоятельство, что движение руки можно с одинаковым успехом понимать как показатель тревожности и как жест приветствия, ничего нам не говорит о том, что оно может быть и тем, и другим одновременно или быть одним, не будучи другим. Понимание предполагает множественную классификацию. То, что нам нужно, это взаимосвязанные смыслы событий (implications)" [p. 110].

[4] Конечно, некоторые исследователи могут считать, что моя позиция не единственно возможна и даже неуместна, и что следует ограничиться анализом представлений субъекта, не затрагивая вопрос об их валидности, то есть объективном содержании этих представлений, за исключением того случая, когда сама проблема рассматривается с этнографической точки зрения. Нередко предмет исследования смешивается со средствами его изучения. Это подводит нас к особой теме, связанной с требованием отличать обобщения автора от его субъективных трактовок, которые он готов отстаивать перед кем угодно. (Я уверен, что и авторам не следует игнорировать данное требование, поскольку они часто получают возможность раскрыть суть дела исключительно благодаря его отличению от мнения). Более того, хотя все интерпретативные конструкции должны рассматриваться как предмет исследования, *н екоторые* из них не создаются *ради самого анализа*, а лишь *предваряют* его.

[5] По одному из сообщений Ассошиэйтед Пресс (San Francisco Chronicle, March 4, 1968), полковник военно-морских сил США Дэвид Лоундз приказал младшему капралу Д.И. Исгрису использовать чудодейственные медные прутья для поиска подземных ходов, которые, как он полагал, могли прорыть вьетнамцы. "Совершенно неважно, глупость это или не глупость. Я не считаю медные прутья глупостью, и мы их используем…", — сказал начальник базы. Личный состав третьей роты первого батальона 26-го полка (подчиненные Уэллса — начальника гарнизона, на территории которого обнаружились прорытые вьетнамцами ходы) и сейчас использует волшебные прутья. Прутья в руках человека должны либо скрещиваться, либо отклоняться друг от друга над подземным ходом в зависимости от того, кто их держит. В подобных проявлениях интеллектуализма военные не одиноки. Джон С. Боттомли в свою бытность помощником генерального прокурора штата Массачусетс лично распорядился привлечь в качестве последнего средства голландского ясновидца Питера Гуркоса для установления личности серийного убийцы в Бостоне (см. Gerold Frank. The Boston Strangler. New York: New American Library, 1966. P. 87-120). Широко освещавшиеся в прессе (и на телевидении) попытки покойного епископа Джеймса Пайка установить контакт со своим сыном в потустороннем мире — пример из того же ряда. См., например, "Time", October 6, 1967; Hans Holzer. The Psychic World of Bishop Pike. NewYork: Crown Publishers, 1970; James A. Pike, with Diane Kennedy. The Other Side. New York: Dell Publishing Co., 1969. Своеобразную историческую трактовку увлечению спиритуализмом в поздневикторианской Англии дает Роналд Пирсал (Ronald Pearsall. The Table-Rappers. London: Michael Joseph, Ltd., 1972). Я мог бы добавить, что верящие в оккультные силы часто убеждены, что стоят на научной точке зрения, которая, как они думают, еще не принята официальными авторитетами науки. Об

этом см. неопубликованную работу Марчелло Труцци (Marcello Truzzi)., "Towards a Sociology of the Occult: Notes on Modem Witchcraft" (1971).

[6] См., например, материал под названием "Moonstruck Scientists", опубликованный в журнале "Тайм" (Time. January 10. 1972).

[7] San Francisco Chronicle. October 10. 1967.

[8] The New York Times. October 11. 1970.

[9] Некоторые сведения о труде приматов содержатся в книге Джеффри Борна: Geoffrey H. Bourne, The ape people. New York: New American Library; Signet Books, 1971. P. 140-141.

[10] Лучшей иллюстрацией таких исследований являются попытки установить коммуникацию с дельфинами и изучить воздействие общения с человеком на обезьян. Конечно, ученые уделяют большое внимание проверке разного рода обобщающих выводов о поведении животных, поскольку, будучи подтвержденными, эти выводы приведут к изменению наших базовых установок. См., например, публикацию М. Хобарта: Hobart M. On the psychology of "talking birds": A contribution to language and personality theory // Hobart M. Learning theory and personality dynamics. New York: The Ronald Press, 1950. P. 688-726. Разумеется, ни одна традиционная философская система не обходится без огульного утверждения о "сущностном" различии между человеком и животным. И только недавно проблемой вплотную занялись специалисты в области социальных и биологических наук.

[11] Показ всякого рода уродцев селянам и городскому люду бродячими цирковыми артистами в западном обществе кажутся родственными церемониям инициации в

дописьменных культурах. Виктор Тернер пишет: "Раньше исследователи… стремились рассматривать диковинные, безобразные маски и фигурки, часто используемые во время лиминального периода инициации, как следствие "галлюцинаций, ночных кошмаров и сновидений" Маккуллох продолжает утверждать, что "поскольку человек (в примитивном обществе) едва отделял себя от животных и верил в возможность превращений человека в животного и наоборот, он легко совмещал в себе человеческое и животное". Я придерживаюсь противоположной точки зрения, согласно которой уродливые маски нужны как раз для того, чтобы научить неофитов проводить четкую грань между различными сегментами реальности соответствующими данному типу культуры. С этой точки зрения гротескность и безобразие культовых предметов инициации могут иметь целью не столько напугать, призвать к подчинению или сбить спесь с новичков, сколько заставить их быстро и живо осознать, так сказать, "факторы" их культуры. Я сам видел маски Ндембу и Лувалей, которые в одном образе сочетали признаки обоих полов, людей и животных, характеристики человека и ландшафта… Изображения чудовищ побуждают неофитов к размышлению о вещах, людях, взаимоотношениях между ними, особенностях природной среды — всего того, что до сего времени воспринималось как самоочевидное" (Turner V. The forest of symbols. Ithac a , New York: Cornell University Press, 1967. P. 104-105).
Подробнее об этом см. главу "Betwixt and Between: The liminal period in rites de passage").

[12] Сообщалось в San Francisco Chronicle. 1968, April 19.

[13] Обучение каким-либо навыкам почти всегда включает период частых оплошностей, но иногда оплошности допускают и подготовленные люди. Можно привести пример опасной ситуации, типичной для капитана на мостике судна. При подходе корабля к пристани или маневрировании вблизи другого корабля особым шиком считается разворот с элегантным кормовым следом — свидетельство мастерства судоводителя — и это видно отовсюду. Немаловажно и то обстоятельство, что судно – штука неповоротливая и плохо управляется, на воде трудно определять дистанцию. Возможно незнакомство капитана с акваторией порта и необходимость текущей радиосвязи между судами. Добавим жизни находящихся на борту людей, стоимость судна и его груза и можно будет получить некоторое представление о том напряжении, в котором постоянно находится капитан вследствие риска неожиданно "потерять ориентацию" и утратить контроль над происходящим. Недаром морская дисциплина — своего рода цирк с очень строгими правилами — объясняется предосторожностями против случайных происшествий. (О

судоводительских обычаях я прочитал в неопубликованной рукописи Дэвида Кука: David L Cook. Public Order in the U.S. Navy. [University of Pennsylvania, 1969].)

[14] San Francisco Chronicle, August 6, 1968.

[15] В одной из своих статей Ролан Барт пишет: "Здесь мы сталкиваемся со вторым типом отношения, которое иногда артикулирует структуру *fait-divers* — отношение совпадения. Главным образом, это — слишком невероятное для простого совпадения повторение события: *одну и ту же алмазную брошь крадут три раза кряду, какая-то горничная выигрывает в лотерею каждый раз, когда покупает билет и т.д.*
Почему? Повторение всегда побуждает нас искать неизвестную причину, ибо в обыденном представлении случайность распределяется равномерно и никогда не повторяется: шанс изменчив. А если события повторяются, то тем самым подается некий знак; повторить значит придать смысл..."
(Barthes R. Structure of the Fait-Divers // Critical essays. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1972.
P. 191.).

Некоторые эмпирические данные приводятся в статье Рю Бухера: Кажется, здесь возникает тема ущербности социальной организации. Каждый из нас принадлежит ко многим пересекающимся категориям, членство в которых определяется наличием одного и более общих признаков. Если кому-то из нескольких известных нам людей сопутствует удача или, наоборот, их преследует невезение, то и мы и они будем искать объяснение в общих для них признаках, особенно в тех, которые отличают их от других людей. Если объем категории окажется достаточно велик, — как это было во времена, когда разыскивали бостонского серийного убийцу, — население может разбежаться (Bucher R. Blame and hostility in disaster // American Journal of Sociology. LXII. 1957. P. 469).

[16] См. Fryer P. Mrs. Grundy: Studies in English Prudery. London: Dennis Dobson, 1963. Chapter 17 "The creeping obstetrician". P. 167-170. Это не значит, что на Западе распространялся обычай рассматривать медосмотры в натуралистической перспективе, а лечение — как чисто инструментальное, "физикалистское" обращение человеческим телом. У нас нет больше рабства, поэтому можно предположить, что никто не будет терпеть равнодушного ощупывания, описанного в книге Г. Николсона: "Торговцы рабами с острова Делос, или мангоны, державшие рынок рабов у храма Кастора в Риме, показывали свой товар так, как коннозаводчики показывают лошадей: позволяя покупателям обследовать зубы и мышцы животных

,
беря их под уздцы и демонстрируя шаг. Раб выставлялся на продажу в деревянной клетке, его ноги были намазаны белилами, а на шее висела табличка с указанием цены и личных качеств" (см. Nicolson H. Good behaviour. London: Constable & Co, 1955. P. 63).

В любом случае, надо понять, что разрешение обращаться с собой как с объектом есть особая форма поведения, разве что пассивная. Когда людей гримируют за кулисами, когда с них снимают мерки портные, когда их ощупывают врачи, они ведут себя именно так. Когда их просят, они принимают разные позы, поддерживают пустой разговор, но за этим стоит общепринятое понимание того, как надо себя вести, когда ты — просто тело.

[17] Инсценировка гинекологического осмотра, поддерживающая несексуальную интерпретацию, подробно описана в статье Дж. М. Хенслина и М. А. Биггс (Henslin J. M., Biggs M. A. Dramaturgical desexualization: The sociology of the vaginal examination // Studies in the Sociology of Sex / Ed by James M. Henslin. New York: Appleton-Century-Crofts, 1971. P. 243-272). Полезную трактовку этой темы можно найти также в статье Джоан Эмерсон. Она доказывает, что, хотя шутки во время гинекологического осмотра могут показаться слишком прямолинейными намеками на запретные темы, другие, более тонкие, средства позволяют участникам (и обязывают их) воздать должное немедицинским материям (например, "женской скромности"). Особенно интересен в этом отношении раздел об одновременной множественности "Я"-концепций. Статья Эмерсон весьма кстати напоминает нам, что применение одной схемы предполагает временное переключение в другую схему и никогда полностью не устраняет иного прочтения ситуации — скорее всего, дело обстоит именно так (Emerson J. P. Behavior in private places: Sustaining definitions of reality in gynecological examinations // Recent Sociology / Ed. by Hans Peter Dreitzel. NewYork: Macmillan, 1970. No 2. P. 74-97).

[18] См., например, статью Мориса Линдена: Linden M. E. Some psychological aspects of rescue breathing // American Journal of Nursing. I9
60. Vol. LX. P. 971-974.

[19] См. публикацию Сюзан Паскаль и соавторов: Pascale S., et al. Self-defense for women // Sisterhood is powerful / Ed. by R. Morgan.
New York: Random House; Vintage Books, 1970. P. 474.

[20] В книге Мэри Дуглас "Чистота и опасность" имеется следующее рассуждение: "Теперь мы подошли к обсуждению главного вопроса. Почему отправления тела символизируют опасность и власть? Почему думают, что стать колдуном можно лишь через кровопролитие, инцест, или людоедство? Почему думают, что искусство колдовства, заключающееся, главным образом, в умении манипулировать различными силами, сосредоточено на границах человеческого тела? Почему думают, что границы тела наделены особенной властью и представляют опасность? <…> Во-вторых, все границы таят опасность. Если они как-нибудь передвигаются, изменяется форма жизненного опыта. Всякая структура идей уязвима в пограничных областях. Поэтому мы должны ожидать, что отверстия тела должны символизировать особенно уязвимые его места. Все, что испускают эти отверстия, имеет явно пограничный характер. Слюна, кровь, молоко, моча, фекалии и слезы самим своим истечением пересекают границу тела. Сюда же относится телесная оболочка: кожа, ногти, срезанные волосы и пот. Ошибочно рассматривать границы тела в отрыве от других границ. Нет оснований отдавать первенство отношению индивида к собственному телу и его эмоциональному опыту перед его культурным и социальным опытом. В этом ключ к объяснению того, почему различные аспекты тела по-разному трактуются в ритуалах разных народов мира. В одних культурах менструации боятся, ибо видят в ней сигнал смертельной опасности; в других – ничего подобного нет. ... В одних культурах отбросы являются предметом каждодневной заботы, в других – ничего подобного нет. В одних культурах к экскрементам относятся с опаской, в других — шутливо. В Индии вареная пища и слюна рассматриваются как грязь, а бушмены прямо изо рта вынимают обильно смоченные слюной дынные семена чтобы прокалить их для еды" (Douglas M. Purity and danger. London: Routledge & Kegan Paul, 1966. P. 120-121; имеется русский перевод: Дуглас М. Чистота и опасность. М.: Канон-Пресс, 2000.)

[21] Примером может послужить одна из этнических общностей островов Борнео. Взять под руку, обнять за шею друга или родственника того же пола вне определенных отношений инцеста — эти действия предназначены для установления границ дозволенных тактильных контактов в ситуациях социального действия. Влюбленные регулярно обозначают свой статус, гуляя на публике, обнявшись за талию. Для членов общины, которые не являются ни близкими родственниками, ни близкими друзьями, ни любовниками, подобная фамильярность недопустима, поскольку все эти формы поведения обозначают возможность близкого тактильного контакта. Прикосновения к телу допускаются между не состоящими в браке взрослыми представителями противоположных полов при обряде прорицания и исцеления колдуньей тяжелых больных. Во время прорицания и исцеления колдунья жестким пальпированием туловища и конечностей устанавливает местоположение болезни. При этом она, как правило, избегает зон, имеющих сексуальный смысл. Передача политической власти новому поколению через тактильные контакты не практикуется, хотя ритуально-магическая формула передачи чудодейственной силы старой колдуньи девочке-ученице может включать рукопожатие как символ того, что передача власти состоялась (Williams T. R. Cultural structuring of tactile experience in a Borneo society // American Anthropologist. LXVW. 1966. P. 33-34).

[22] См. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. С. 48.

[23] Там же. С. 93.

[24] Там же. С. 42.

[25] Я не утверждаю, что с социальной точки зрения в артефакты не встраивается никакой устойчивый смысл; просто конкретные обстоятельства привносят в ситуацию дополнительные смыслы. Гильзу от артиллерийского снаряда, пятилитровую банку и куски старой водопроводной трубы можно превратить из вышедших из употребления вещей в декоративную лампу, но их нынешняя ценность зависит от того, что они никогда не перестанут быть теми вещами, которыми были раньше. Если получится хорошо, то выйдет не просто лампа, а оригинальная лампа. В самом деле, можно забавляться тем, чтобы находить совершенно необычное применение вещам обычным, как это делают, например шутники, умудряющиеся играть на кнопочных телефонах несложные мелодии, что становится возможным просто потому, что каждая кнопка издает особый звук (Time, March 6, 1972).

Здесь я еще раз хотел бы сказать, что значение всякой вещи (или действия) является результатом социального определения, и это определение формируется на основе роли объекта в обществе. В узких сегментах социального взаимодействия эта роль может претерпеть некоторые изменения, но не может быть создана заново. Несомненно, значение любого объекта, как говорят сторонники прагматизма, порождается его использованием, но не пользователями. Короче говоря, гвозди забивают не только молотками.